

Курт Воннегут настойчиво рекомендует филологам воздерживаться от прозы, поскольку словесность не должна кусать свой собственный хвост. Впрочем, люди предпочитают добрым советам дурные примеры. Мало ли народу пришлось в литературу, не имея за плечами иного багажа, кроме литературного же?.. Само собой, IQ и сумма знаний – далеко не одно и то же. Но аксельбанты писателя-интеллектуала у нас обычно жалуют за назойливую цитатность: Шишкин, Петросян, Элтанг, Левенталь – и кто еще там? Благо, индульгенция от Барта всегда под рукой: «Текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. Писатель... может лишь вечно подражать тому, что написано прежде». И ведь не поспоришь: евангелие от постмодерна, куды не на фиг.

Доктор филологических наук Водолазкин – явление того же порядка: подражает и отсылает. В его романах все как в Пушкинском доме: вместо времени – вечность, и персонажи изъясняются исключительно изданными цитатами. Насквозь литературный «Авиатор» изготовлен по тем же рецептам: если бы губы Алексея Константиновича да приставить к носу Дэниела Уильямовича да взять сколько-нибудь развязности, какая у Лазаря Иосифовича, да прибавить к этому еще дородности Михаила Афанасьевича... А ведь предупреждала миссис Шелли: от Франкенштейна добра не жди.

Спойлер для тех, кто не в курсе: художника Иннокентия Платонова в порядке эксперимента заморозили в СЛОНе, а 70 лет спустя разморозили. Вообще, Е.В. обожает шутки с часами и календарем. В «Лавре» в лесу XV века валялись пластиковые бутылки, а юродивый завершал витиеватую древнерусскую риторичку застенчивым интеллигентским матерком. На сей раз г-н сочинитель преподнес публике классическую историю попаданца. Тема

радует новизной: Гиршгорн, Келлер и Липатов исполнили первую отечественную хронооперу аж в 1927 году, а с тех пор попаданцам нет ни меры, ни числа – от Ивана Присыпкина до Станислава Сварога. От предсказуемой оскотины могло бы спасти нетривиальное исполнение, но материя романа изготовлена методом аллогенной трансплантации. Название – аллюзия на Блока, психическая деградация протагониста заимствована у Киза, соловьевские флэшбеки взяты напрокат у Киселева-Громова и Ширяева, замороженный герой родом то ли из Маяковского, то ли из Леонова, а доктор Гейгер того и гляди объявит: «Водка не моя, а Филиппа Филипповича». Авторский кругозор тождествен кругу чтения. Коллега Морозов не так давно пустил в оборот удачное определение: роман-реферат. Вот как раз тот самый случай и есть. В филологическом синодике Водолазкина не хватает лишь пистистраничного библиографического списка – как у Кузнецова в «Калейдоскопе».

«Человек – не кошка, он не может приземлиться на четыре лапы всюду, куда бы его ни бросили», – гласит одна из авторских сентенций. Совершенно справедливо. Опыт вживания в чуждую среду обычно оборачивается трагедией (К. Борунь «Восьмой круг ада») или комедией (Л. Лагин «Старик Хоттабыч»). Водолазкин, вопреки самому себе, отбросил удобные ходы как чересчур примитивные. История Платонова – лишь повод для рассуждений о том, что время есть фикция (школа академика Лихачева не прошла даром), что нет незаслуженных наказаний (без Достоевского нам никак), что милосердие выше справедливости (поклон покойному Патриарху Алексию II) и проч. Текст, лишенный и намека на конфликт, похож на фольклорную горнищу без окон, без дверей: двигаться там фатально некуда. Сама возможность движения исключена:

вместо чисел в дневнике героя – дни неде-ли, недалекая студентка в 1999-м выража-ется под стать дореволюционной институт-ке: «Ох... Предмет ревности моей». Прочь влияния извне! «Герой “проспал” 70 лет с конца 20-х по конец 90-х, а мог бы проспать любые другие 70 лет. Это ничего б не изме-нило – ну кроме разве нескольких речевых оборотов», – заметила А. Наринская. Вре-мя упразднено: «Рай – это отсутствие времени». История максимально микши-руется: «– В чем вы видите разницу меж-ду тем временем и этим?.. – Звуки очень изменились... Разве вы не понимаете – это единственное, что стоит упоминания?» В сухом остатке – торичеллиева пустота: «Если время остановится, событий больше не будет. Останутся несобытия». Право слово, не лучшая подпитка для сюжета. Но, думаю, мертворожденный и гальвани-зированный организм на большее и не спо-собен. Когда набор изданных цитат и не-событий (вроде перманентных посиделок у самовара) заканчивается, неприкаянный Платонов лишается последнего занятия – и начинает умирать, и занимается этим добрую половину книги. Вяло, не делая из этого драмы.

Драма идей, говорите? Пустое, должно быть: с идеями у Водолазкина заметные проблемы. 400-страничный «Лавр» был увенчан одним-единственным выводом: иноземцы ничего не смыслят в русской жизни, да и сами русские – тоже. Про за-лежи подержанных мыслей в «Авиаторе» мы уже толковали. Существуют они в виде философских абстракций, без какого-либо практического воплощения. Цель игры в бисер – игра в бисер, а вовсе не результат. Да и как прикажете воплощать лихачев-ское «вневременное-всвременное»? Это вам не старушек топором лущить от мегаломании. Словом, кино не будет: драма и тут отменяется.

Персонаж из плоти и крови не выжи-вет в вакууме коматозной фабулы. Да и неуместен он тут: неровен час чего-нибудь вытворит и нарушит любезную сочините-лю летаргию. Потому Водолазкин пред-почитает характерам схемы и функции. Каждый из героев лишь аллегория внев-

ременного. Или всевременного, разли-ца невелика. Доктор Гейгер является публике в пенсне (мол, надо уберечь пациента от новой реальности); барышня Настя – ре-инкарнация своей бабушки, которую Пла-тонов некогда любил. Все трое нарочито лишены индивидуальности: «Есть лица настолько типичные, что кажутся выду-манными». И настолько не существенны для автора, что ближе к финалу сливаются в безликое повествователя – кстати, нечто подобное проделал Кортасар в «Сеньорите Коре».

Е.В. слывет недурным стилистом – по-видимому, благодаря грамматически пра-вильному языку. Да и трудно ошибиться в пределах простого, отрывистого предло-жения: «Весь день вчера проходил обследо-вание. Странное какое-то впечатление...» Но от банальностей «нулевое письмо» не спасает. По запросу-цитате «играют от-блески пламени» Яндекс выдает миллион ответов и столько же – по запросу «яитар-ные сосны». Писатель может лишь вечно подражать, как и было сказано. Ну, вы по-нимаете: гипертекст, мейнстрим, дискурс – и прочие обценные термины.

Г. Юзефович считает, что Водолазкин способен приворожить читателя – весьма сомнительно. Ибо аутичный и переполнен-ный отвлеченностями «Авиатор» не имеет ни малейшего отношения к читателю. Что, скажите на милость, изменится, коли мы признаем фиктивность времени? Бросим курить и станем вегетарианцами? Бензин подешевеет? Децильный коэффициент снизится? То-то же...

Однако извлечь пользу из «Авиатора» можно и должно. Текст может быть ис-пользован как материал для литературной викторины. Или как инструмент для по-вышения самооценки у абитуриентов фил-фака. Впрочем, и написан он совершенно не для чтения, а в расчете на чепчики в воздухе. Что и наблюдаем: роман угодил в большекнижный шорт. Франкштейнов там жалуют: «Письмовник», «Метель», «Возвращение в Египет»... Должно быть, и Водолазкину повезет. Даром что водка не его, а Филиппа Филипповича.